

В мышеловке

Безумец, который считает себя нормальным человеком и разыгрывает безумие, — таким предстает Гамлет в спектакле, поставленном на сцене Алтайского молодежного театра имени В.С. Золотухина. Премьерой шекспировской трагедии, которая должна была состояться еще в апреле, в МТА открыли 63-й творческий сезон.

Режиссер Татьяна Безменова (Москва) и художник-постановщик Алексей Паненков (Тюмень) не ставят себе целью реконструировать Эльсинор таким, каким он мог бы быть в действительности, облачить героев в старинные костюмы. Нет, они помещают шекспировских персонажей в некую универсальную среду, где все сценическое пространство представляет собой огромную библиотеку. Книжные полки, уставленные фолиантами, уходят далеко ввысь, кажется, что им и вовсе нет никакого конца и предела. Из бытовых предметов только десяток стульев, хаотично расставленных, перевернутых ножками вверх, — точно в противовес системно расставленным на полках книжным томам. В одном углу сцены — колыбель с большим плюшевым медвежонком в ней, в противоположном — высокая лестница, на которой и сидит в самом начале спектакля Гамлет (Андрей Потереба).

Именно с него, принца Датского, и начинается действие — спустившись с лестницы, Гамлет методично выстраивает в ряд стулья, точно пытаясь привести в порядок собственные мысли об умершем отце и предательстве матери, так скоро разделившей брачное ложе с другим. Одновременно он организует пространство для следующей мизансцены, где появляются сама Гертруда (Виктория Проскураина, в другом составе — заслуженная артистка РФ Галина Чумакова), Клавдий (Андрей Воробьев), Полоний (Александр Чумаков), Лаэрт (Роман Чистяков), Офелия (Виолетта Дьякова) и члены совета. Массивные двери библиотеки распахиваются, словно открытые книги, и герои, прошествовав к приготовленным местам, занимают их согласно своему придворному статусу. Только принц Гамлет предпочитает держаться в стороне от недавно обручившейся — судя по белым нарядам — четы и присягнувших новому правителю царедворцев. Кажется, что происходящее выглядит в глазах Гамлета не более чем спектаклем, нелепым, недостойным по отношению к покинувшему этот мир отцу. Поэтому, когда церемония завершается и герой снова остается один, он дает волю гневу и раскидывает стулья, не притронувшись лишь к тому, на котором сидела мать.

Узнав от призрака отца (Анатолий Кошкарёв) всю правду о его смерти, Гамлет решает притвориться умалишенным. Он забирается в колыбель, точно стремясь возвратиться в детство, в ту пору, когда и сам был безгрешен и не ведал о грехах чужих. Однако

мало-помалу зритель начинает догадываться, что принц Датский безумен на самом деле, — на это указывает Горацио (Владимир Кулигин). Единственный персонаж, с которым Горацио взаимодействует на протяжении всей постановки, — это Гамлет. Лучший друг оказывается другом воображаемым, вернее, превращается в альтер-эго, и то молчаливо следует по пятам за принцем, то вступает с ним в конфронтацию. Монолог «Быть или не быть?» они произносят вместе, то перебивая, то продолжая мысль друг друга.

Мотив безумия и мотив игры, притворства, переплетаясь, пронизывают всю трагедию Шекспира и весь спектакль. Чувствуя подвох в поведении племянника, Клавдий посылает к нему Розенкранца (Александр Пальшин) и Гильденстерна (Евгений Быков). Западня, в которую должен попасться Гамлет, обретает вполне зримые черты — манипуляциями Клавдия вся сцена превращается в гигантскую мышеловку. Однако принц, в свою очередь, чтобы разоблачить дядю, устраивает спектакль с участием прибывшей в замок бродячей труппы — да он и сам лицедействует, нарядившись в сюртук того же яркого бирюзового цвета, что и сценические костюмы актеров. В итоге Клавдий попадает в собственную ловушку. Одна из самых ярких сцен спектакля — его монолог, попытка убежать от самого себя и от содеянного. Лестница, по которой король-убийца безуспешно пытается подняться вверх, превращается в темницу, зажатую между двух механизмов мышеловки. «О, преступление мое гнусно, оно смердит к небу», — произносит Клавдий, сознавая, что из тюрьмы своего греха ему уже никогда не освободиться.

Между тем сумасшествие Гамлета становится все очевиднее. Безумец, играя в безумие, забывает обо всем, в том числе и о завете призрака — ни в коем случае не трогать мать. Оказавшись в покоях Гертруды, принц Датский ведет с собой с ней грубо, даже жестоко, безжалостно. Усадив мать в детскую кроватку, он толкает, швыряет ее по сцене из одного угла в другой. Жажда мести за убийство отца ослепляет Гамлета настолько, что порождает новое, бессмысленное убийство — и вот от той же боли, что и сам принц, сходит с ума Офелия. Смерть становится для нее избавлением от земных мук. Интересно пластическое решение сцены, где Гертруда рассказывает о смерти несчастной девушки: королева как будто купается в зеленоватом, прозрачном освещении (художник по свету — Елена Алексеева из Новосибирска), белый шарф в ее руках скользит, словно подчиняясь невидимому течению.

«Гамлет» в МТА — спектакль, можно сказать, гипертеатральный. Здесь играют не только живые персонажи, но и мертвецы — в сцене на кладбище могильщик, извлекающий из-под земли два черепа, разыгрывает между ними сценку, диалог. Последним в череде этих представлений становится поединок между Лаэртом и Гамлетом (постановка боя — Константин Яковлев), исход которого, как известно,



был заранее predetermined. На сцене снова появляются актеры бродячей труппы, сообщая дуэли дополнительную театральность. Однако это «шоу, в котором все пошло не так»: погибают все, в том числе и Гамлет. Он умирает на руках Горацио, своего второго «я», со словами: «Остальное — молчание».

На этом спектакль завершается, зритель не увидит появления Фортинбраса под барабанный бой, как не увидел в начале встречи часовых с призраком. Действо начинается непосредственно со слов Гамлета и обрывается с его смертью, что наводит на мысль: не является ли вся эта библиотека метафорой разума главного героя, не в своем ли сознании, как в мышеловке, был заключен все это время принц Датский? Быть может, все персонажи и вовсе субличности одного «я»? Спектакль Молодежного театра Алтая заставляет зрителя думать, осмысливать, интерпретировать увиденное еще долгое время после просмотра.

Юлия Плотникова